

ДАЖЕ УМИРАЯ МОЖНО ПЕТЬ...

И на этот раз Робсону опять отказали в визе за границу. Но Поль пел на канадской границе, не переходя ее, перед пяти тысячной аудиторией на открытом воздухе. Пел песню о бессмертном Джо:

**И в час, когда рабочий класс
В последний выйдет бой,
Пойдет шагать в рядях у нас
Джо Хилл, всегда живой.**

Громогласный бас рисовал мужественный образ певца, голос которого заставили замолчать 45 лет назад палачи из штата Юта.

Но не так легко певца казнить, — говорил еще сам Хилл. Память об этом Веранже американского пролетариата не убить у тех, кому он посвящал свои песни на митингах, забастовках, среди безработных.

Юноше было только девятнадцать, когда Джозеф Хиллстром, покинув родную Швецию, приехал в шумный Нью-Йорк, чтобы добыть себе ту чашку супа, о которой он потом сложил песню, ставшую походным маршем американских безработных. Он работал всюду — чистил плевательницы, барабанил на пианино, батрачил на фермах, ремонтировал в доках суда, добывал медь в рудниках. И так десять лет... Вместе с рабочим движением Америки рос Хилл. В самый разгар забастовки железнодорожников Калифорнии необычайную популярность у бастую-

щих завоевала его первая песня «Кейси Джонс, штрейкбрехер». Ее на листовках пустили в продажу, а вырученные деньги шли в пользу бастующих. Едкая, ироническая пародия на популярный мотив «Кейси Джонс», знакома советскому слушателю в исполнении Леонида Утесова. Особенной популярностью начинает пользоваться и песня о проповеднике, в которой Хилл зло высмеивает елейные фразы о потусторонней жизни. Ее герой говорит, обращаясь к рабочим:

**Потерпи, пострадай, на земле
умирай,
Голодай, — попадешь в божий рай,
Там и булку, и чай получишь.**

Но «прокопченные парни» с заводов отвечают:

**Не нули, не болтай,
Мир устроен по-нашему, знай:
На земле будет рай.**

Свои песни Джо писал на знакомые всем мелодии со словами, созданными самими рабочими. Они исполнялись на уличных митингах, вместе с рабочими странствовали по стране в поисках куска хлеба, и время делало его песни достоянием десятков и сотен тысяч людей. К осени 1913 года едва ли можно было найти среди рабочих тех, кто не знал бы песен Джо Хилла. Они звучат в пикетах и в тяжелые дни кризисов. Многие даже не знали имени их создателя, хотя часто распевали их.

На одной из рабочих манифестаций хулиганы жестоко избили Хилла. Он попадает в тюрьму. Но даже тогда, когда он снова вдохнул воздух свободы, тяжело больной, Джо приходит на митинг. С трибуны он ведет с юмором рассказ о том, что он только из объятий тюрьмы, где радушие оказалось настолько ощутимым, что он едва способен говорить. Но он говорил:

**— Хочешь попочнить с нуждой
и злом —
борись за свободу свою.**

**Мы из богатства, что миру даем,
потребуем долю свою.**

Но вот те, против кого были направлены эти строки, кто на словах ничился всякими свободами, «дарованными народу», спровоцировали грязное дело, ложно обвинив Джо Хилла в убийстве. Раненный в грудь при аресте, певец выжил только потому, как он сам об этом говорил, что «твердо решил не умирать».

Вот что по этому поводу писали газеты того времени: «Класс хозяев вновь показал свое истинное лицо, пытаясь отправить на виселицу человека, которого любят все. Братья рабочие, наш долг — взяться за дело!».

Ответом на этот призыв было создание массовых рабочих хоров для исполнения песен Хилла. И хотя их не пел сам певец, но песни звучали в рабочей гуще. За тюремной решеткой Хилл

написал новую песню на мотив популярной песни «Долог путь до Типперери». Так родилась известная пародия «Долог путь до миски супа».

Но «боссы» не дремали. Суд штата Юта приговорил Джо Хилла к смертной казни. Когда перед смертью его попросили написать о себе, он ответил:

— Я всегда старался сделать все, чтобы продвинуть знамя свободы поближе к цели. И еще одно: мне выпала великая честь сражаться на поле боя под красным флагом, и я очень горжусь этим.

Приговоренный к смерти, в одиночной камере, больной и истощенный, певец поднимает свой голос против войны. Он пишет балладу, посвященную глобулю мира.

...Жила-была за морем маленькая девочка. У нее не было матери, но был горячо любимый отец, который с ней интересно играл. Большая война призвала его на фронт, где он и погиб ради чьих-то барышей. «Не отнимайте у меня папу!» — назвал Хилл эту песню.

За тюремной решеткой Джо Хилл написал свое последнее стихотворение, свое завещание потомкам.

**Не трудно мне составить завещанье,
Имущество не тяготит меня.**

**Я в жизни не гонялся за вещами,
Из-за которых ссорится родня.**

**Мой труп — ну, что ж, сонгитесь,
труп мой тощий,**

**Чтоб разлетелась легкая зола
По ветру вдаль — в леса,**

**И землю удобрить собой
поля и рощи**

**могла б.
Чтоб где-нибудь иссохший**

**на поляне,
Цветок вдруг ожил и набрался сил.**

**Вот вам мое последнее желанье —
Живите. Будьте счастливы.**

Джо ХИЛЛ.

Через год певец был зверски расстрелян. Выполняя его завещание, рабочие разоблачили по всей стране и на все материки земного шара прах глашатая труда и мира.

Песни Хилла живут, как и память о нем, потому что девизом его прекрасной жизни были слова, которые несли на своих праздничных транспарантах трудящиеся всего мира. Слова, за которые сегодня сажают в тюрьму в капиталистическом «раю» — **ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

**Меня сгубить вы не могли,
Ни петли, ни ружье.
Союз рабочих всей земли —
Бессмертие мое.**

**Т. ГОЛЕНПОЛЬСКИЙ,
преподаватель пединститута.**

*Молодость Сибиря
Добавился 13.XI.60.*